

Юлия Шолох

ЧЁРНЫЙ СЕКТОР

КНИГА 4

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш78

Шолох, Ю.

Ш78 Чёрный сектор. Вор / Ю. Шолох. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 294 с. — (Чёрный сектор).

ISBN 978-5-521-92830-9

Чего может хотеть девушка, которая входит в десятку самых богатых невест страны? Чего можно желать, когда имеешь всё, на что только расщедрилась фантазия?

Вечной молодости? Или запомниться человечеству как самая красивая женщина мира? А может, пленить всех жителей вселенной своим артистическим или певческим даром? Может, покорять мужчин?

Всего, чего хотела она — чтобы на двери её комнаты был замок.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92830-9

© Шолох Ю., 2023
© Ржаникова Д., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1. КИСЛЫЙ ВЕК

Все всегда заканчивается. Даже страх. Как бы ты ни боялся, но если в моменты самого дикого ужаса твое сердце не остановилось и ты выжил — значит страх тоже рано или поздно закончится.

А вот что произойдет после того, как страх закончится, никто не знает. Возможно, на его место придет нечто другое. Или там, в этом самом месте, останется зияющая пустота.

Ваське казалось, она внутри пустая. Хотя по факту все было совсем наоборот.

В последнее время ей вдруг приходили в голову необычные мысли. Например, что она может решить, чего хочет. Вот просто сесть и сказать — я хочу того и этого! Конечно, она понимала, что озвученные желания вдруг не исполнятся, но сама возможность решить, чего хочешь, показалась ей чем-то необычным и даже драгоценным. Знать, чего хочешь... Нет, она, конечно, хотела периодически есть, или пить, или спать. Но чтобы вот так глобально — чего она вообще хочет от жизни? Васька о таком прежде не задумывалась.

Чего может хотеть девчонка, которая входит в десятку самых богатых невест мира? Можно только догадываться.

Возможно, она хочет вечной жизни. Единственного, чего не хватает людям, которые владеют всем остальным. Вечной жизни и молодости.

Или она мечтает покорять сердца мужчин одним лишь взглядом. И наслаждаться их падением, и ходить по их трупам, и пинать их носочком своей туфельки.

Или не против доказать всему миру, что она талантливая певица или актриса, которая выбилась бы в люди даже если бы пришлось родиться в бедной семье.

Так чего может хотеть такая девчонка? Можно только догадываться...

Васька всегда хотела лишь одного — чтобы на двери ее комнаты был замок.

Она, наверное, привыкла к этим ночным посещениям отца. Они случались столько, сколько Васька себя помнила. С самого раннего детства. Стоило заснуть, как он появлялся, настежь распахивал двери, врвался в комнаты и включал свет. А потом пинал игрушки, если те оставались небранными.

— Вставай!

Васька послушно выползала из-под одеяла, становилась босыми ногами на пол, опускала голову, так, что спутанные волосы закрывали лицо, и ждала.

— Что выучила сегодня? Ну? Чего добилась? Я слушаю.

Он садился в кресло и притворялся, будто бы расслабился. Но каждую секунду только и ждал, когда уже Васька срывающимся голосом скажет что-нибудь не то. А она всегда говорила что-нибудь не то. Не важно, какие слова она произносила, хватало всего нескольких.

И отец вскакивал и начинал орать.

Васька — тупая ослица, от такой же тупой матери. Эта наследственность, черти ее дери! Проклятушая наследственность! Позор! Вечный позор! Она никогда не станет умной. Это его кара — дочь, которая позорит отца. Вечное пятно в его роду. Она не может учиться. Она не занимается спортом. Не поет и не танцует, не рисует милые родительскому сердцу рисунки. У нее нет никаких талантов. Непонятно, как у него могла родиться такая серая и невзрачная дочь!

Последние слова он всегда повторял с отвращением и вселенским разочарованием.

Потом уходил и с силой хлопал за собой дверью.

Васька после этого еще долго стояла посреди комнаты, хлюпала носом и стряхивала слезы с ресниц. Правда, чем старше она становилась, тем меньше в глазах оставалось воды.

Наверное, это и правда ее вина — то, что она такая плохая дочь. А отец имеет право злиться, ведь других детей у него никогда не будет. Что-то случилось, когда он был совсем молод, произошло какое-то несчастье — и он лишился возможности получить потомство. К тому времени одна из его любовниц выяснила, что беременна. В другой ситуации она просто бы прервала беременность, но теперь выиграла карт-бланш. Денег, которые она получила за рождение и передачу отцу ребенка, ей хватало на безбедное существование до сих пор, хотя прошло уже более двадцати лет. Когда Васька была подростком, она пыталась найти мать... но та не отвечала на сообщения, а просто отправляла Ваську в черный список. Во всех сетях, раз за разом. Она жила своей жизнью, прошлые дети ее не интересовали.

Отец очень хотел мальчика. Но родилась Васька. Но даже с этим он бы смирился, как сам не единожды говорил. Если бы единственный ребенок не оказался откровенно тупым, некрасивым и не позорил отца одним своим существованием. И хуже всего — других попыток у отца не будет. Все провалено, ему некому оставить свое состояние, некому продолжить род, а значит, жизнь прожита зря.

Тяжело знать, что ты не такая, как нужно. Что ты не оправдала ожиданий и из-за тебя собственный папочка несчастлив.

И, наверное, очень стыдно так думать, но Васька всем сердцем хотела не стать хорошей, чтобы папа был доволен, а замок на дверь, чтобы он не смог больше приходить к ней и устраивать эту моральную порку.

Пожалуйста, что угодно, только не это!

Но устанавливать замок ей было категорически запрещено. Несколько попыток заговорить об этом было прервано решительно и грубо. Никогда. Замка на ее двери не будет никогда — и точка!

И Васька каждый вечер ложилась спать, смотря на дверь, которая вот-вот распахнется.

* * *

Странно, что именно эти воспоминания все чаще приходили в последние дни. Раз за разом, все в больших подробностях. Рубашка отца, всегда белоснежная и отглаженная, темно-серые классические брюки без единой пылинки. Квадратная челюсть, красное от злости лицо и невероятно холодные зеленые глаза. Память то и дело подбрасывала ей новые детали. Вероятно, потому, что Васька слишком много времени проводила без дела. Просто сидела у ручья и смотрела, как течет вода. Она раньше и представить не могла, что это незатейливое занятие может быть таким увлекательным. Часами. Она смотрела на воду буквально часами. И не могла насмотреться.

В голове было легко и пусто.

Она ведь привыкла, что проблемы решаются без ее участия. И тут все решится само собой. Кто-нибудь найдет базу, еду несут, с некоторых пор еще и с ней самой некоторые носятся как с писаной торбой. Зои не бросит.

Понять, что проблемы, как обычно, кто-нибудь решит, было просто. Так случается всегда. А вот понять, что тебя не оставят одну, даже учитывая, что твоя краснокаратовская банковская карта тут ровным счетом ничего не стоит... Что люди могут помогать тебе просто потому, что это правильно... в это поверить было очень непросто. После всего, чему учил отец. После всего, чему учила жизнь... Но Васька смогла. И успокоилась. И подумала — может, все же человечество не такое уж и гнилое. Может, оно еще себя как-нибудь реабилитирует.

Пустая надежда. Глубоко внутри Васька знала, что человечество рано или поздно само себя угробит. И в этом нет ничего ужасного. Люди — они заслужили. Зачем им существовать? Они только и делают, что все портят. Развили науку до такого уровня, что умеют летать к далеким звездам, а равенства и справедливости среди самих себя так и не добились.

Вода текла и журчала.

Интереснее всего было смотреть, когда в воду что-нибудь падало. Какая-нибудь палочка или листочек. Листья плюшек — самые забавные, похожие на маленькие лодочки-плоскодонки. Когда лист несло течением мимо Васьки и он вертелся, как живой, она следила за ним, представляя, что стала крошечной и плывет на этом кораблике по бурной реке. А впереди — пороги, препятствия и опасности. Но кто-то большой следит за ней и в случае чего поможет и спасет. Подхватит большой ладонью и вытащит из пучины на сушу. И дыхание замирало, будто опасность настоящая. Потом лодочка уплывала из поля видимости, и Васька ждала новую. Чтобы на время стать чем-то другим.

А еще Васька всегда сидела на одном и том же месте. Небольшой закуток в кустах, открытых только со стороны ручья. Напротив, через воду, только узкая полоса мелких камней — и снова густые заросли. Не очень далеко от лагеря, чтобы даже случайно не заблудиться — и все же достаточно далеко, чтобы никто другой здесь не появлялся. Васька не любила людей, чего скрывать. Ни мужчин, ни женщин. За что их любить? Разве что детей. Да, разве что детей...

* * *

Ее ведь тоже никто не любил. Отец только требовал, и требовал непонятно чего. По его убеждениям, ребенок в пять лет вполне уже мог выучить иностранный язык, а в семь погружаться под воду с аквалангом. А Васька... она перестала напрягаться еще в школе, в начальных классах. Даже учиться перестала. К чему? Какой бы высокой ни бы-

ла оценка, папе она все равно не казалась таковой. А учителя... ставили ей отлично, даже если она на отлично не отвечала. Вначале это Ваську очень удивляло. За что? Она же ошиблась в цифрах или криво написала половину слов. А потом она просто привыкла.

В АМКу она поступать не планировала. Она вообще ничего не планировала, просто плыла по воде, как эти самые сорванные ветром листочки. Правда, не верила, что за ней кто-то присматривает. Был период, когда Васька интересовалась религией. Это ведь так прекрасно, когда кто-то может за тебя вступиться.

Однако это заблуждение быстро прошло. В Васькиной голове не складывалась вера в высшие силы и ее нынешняя жизнь. Не складывалась, и все тут. Она хоть и свободный человек, но всегда должна делать то, что сказал папа. Он ее царь и бог. Человек с требованиями, которые невозможно понять, но которым должно следовать.

Поэтому Васька, конечно, поступила в АМКу. Правда, отношения отца это не изменило. Но она давно уже не надеялась на подобное чудо.

Жизнь Васьки, оказывается, была неизменной и однородной. Год за годом... Пока она не встретила *его*.

Папа никогда не стеснялся кричать на нее в присутствии слуг и охраны. Вышколенные, сотни раз проверенные наемные люди вели себя как истуканы, которые ничего не видят и не слышат. Именно за это им так хорошо платили. Вся жизнь Васьки прошла среди людей, но при этом они словно не существовали — как тени шуршали вокруг, делали всю работу и пропадали.

В тот вечер папа явился раньше времени. И был пьян. Его даже шатало, и рубашка выбилась из-за пояса брюк.

Он снова кричал, привычными словами, которые Ваську уже не трогали. Она не любила отца. Да, пришлось себе признаться — это совершенно посторонний ей человек. И ей все равно, как он живет, и даже если его не станет,